

Американская свобода.

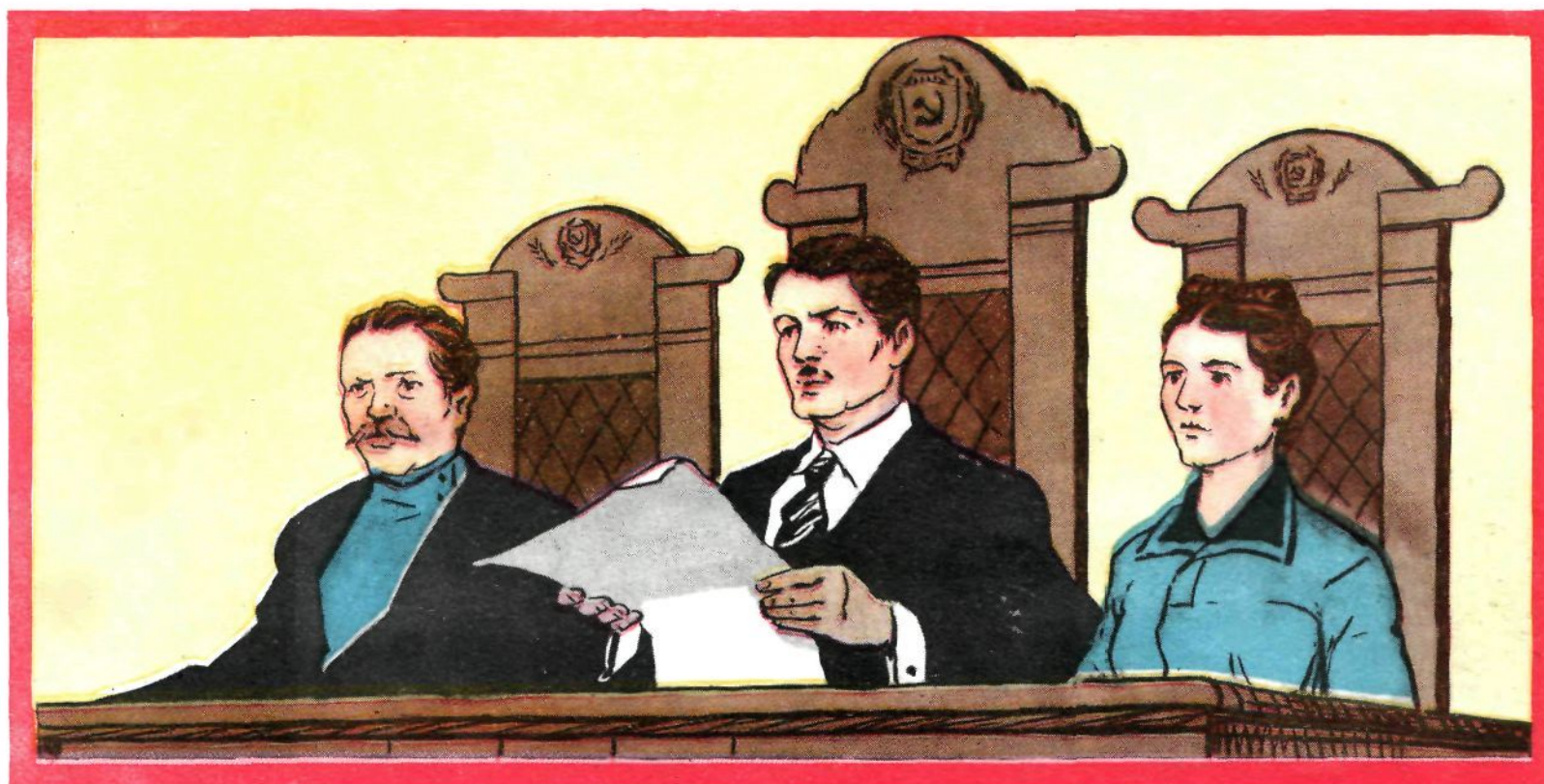
Рис. Б. ПРОРОКОВА

К Р О К О Д И Л

№ 34 МОСКВА 10 ДЕКАБРЯ 1951

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГО ИЗДАНИЯ XXX

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

У нас судят представители народа.

А там судят представителей народа.

Рис. В. КОНОВАЛОВА

В. БАХНОВ,
Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Однажды театрам решил посвятить
Свой отпуск директор завода,
Поскольку театр он не смог посетить
Ни разу в течение года.
«Посмотрим, чем в пьесах порадуют нас,
Какие конфликты в спектаклях сейчас?»
И взял он, подумав об этом,
В четыре театра билеты.

Вот в первом театре
Афиши у входа
Гласят о спектакле
«Директор завода».

Конфликт в этой пьесе и ясен и прост:
Когда-то директор старался и рос,
Но, бросив расти, зажил и размяк,
И с третьей картины вся пьеса
Клеймила позором директора, как
Врага новизны и прогресса,
Поскольку директор от жизни отстал,

МОДНЫЙ КОНФЛИКТ

И критику слушать совсем перестал,
И вскорости, став консерватором,
Затеял конфликты с новатором.
«Ну, что же, наверно,— решил наш герой,—
Бывают такие конфликты порой».

И вскоре пошёл он,
Согласно проекту,
На новую пьесу
«Товарищ директор».

Конфликт в новой пьесе был очень простым:
Какой-то директор не хочет расти,
В семье у директора зреет скандал,
Директор-супруг от супруги отстал:
Она-то, жена-то,— новатор,
А он, то есть муж,— консерватор.

«И пьеса другая и автор, но всё же,—
Подумал герой наш,— конфликты похожи». —
А через неделю

В театре «Прожектор»
Смотрел он премьеру
«Отсталый директор».

Конфликт в третьей пьесе был ясен и прост:
Директора-дедушку внук перерос,
Поэтому дедушку вызвали чинно
На сбор у костра пионерской дружины,
И там с консерватором-дедом
Провёл первоклассник беседу...

«На сцене,— воскликнул директор завода,—
Отсталый директор — последняя мода!
Но где ж драматурги конфликт этот взяли?
Видать, они сами от жизни отстали!»

В раздумье герой
Возвратился домой.
В четвёртый театр
Не пошёл наш герой.

три фантазера

(РАССКАЗ МАКАРА ОСТАПЕНКО)

ВЧЕРА вызывает меня начальник управления и говорит:

— Набросай-ка, Макар Матвеевич, проект докладной. Главное управление сельскохозяйственной пропаганды потребовало итоги за год. Отметим, какие ценные предложения колхозников и учёных внедряются, что замаришковано, по чьей вине. В смысле самокритики не стесняйся!

Легко сказать — набросай!.. Это не эскиз скворечницы! Ежели всё с душой описать, то не докладная, а многотомное сочинение выйдет. А что касается самокритики, то чисто-сердечно скажу: новаторы на наше Управление сельхозпропаганды не в обиде. Все передовые методы земледелия и животноводства внедряются в колхозную практику.

И каким же надобно быть закоренелым бюрократам, чтобы мариновать новаторскую мысль! Да, не найдётся в области такого человека, кто станет обвинять нас в волоките!

Впрочем, зря говорю так. Есть личности, которые считают меня оплетённым чиновником. ...Сижу как-то в кабинете, разбираю почту. Распахивается дверь, слышу:

— Куд-куда-х, куд-куда-х!.. «Никак, курица», — думаю. Гляжу, нет, — мужчина. Ростом под прилодку, костюм с иголочки, в руках плетёная кошёлка.

— Разрешите представиться: Афанасий Кавун, сотрудник Московского научно-исследовательского института. Прибыл к вам в творческую командировку по части долгоносика.

И предъявляет командировочное удостоверение, за номером, с печатью, — всё, как положено.

— Присаживайтесь, — говорю. — Рад познакомиться.

— Долгоносик, как вам должно быть известно, — продолжает он, — это крохотный жучок с длинным хоботком, страшный вредитель свекловичных плантаций. Я открыл новый, эффективный способ борьбы с ним.

Афанасий Кавун торжественно водружает на стол кошёлку, осторожно приподнимает крышку и вытаскивает тощую курицу.

— Видите? — говорит.

— Вижу, курица. Но это не ново. Для уничтожения долгоносика колхозы всегда выпускали кур на плантации.

— Э-э, позвольте, товарищ Остапенко, моя курица не простая, а с механическим зобом!

При этом Кавун щёлкнул по куриному зобу пальцем. Раздался дребезжащий металлический звон.

— А вы говорите, «не ново»!.. — Да... недоуменно согласился я.

— Обыкновенная курица, — наставительно продолжал Кавун, — съедает за световой день от силы двести долгоносиков. А эта способна уничтожить ты-

сяч десять — пятнадцать! Не курица, а птица с волчьим аппетитом!

— Что же это за порода такая?

— Та же обыкновенная несушка, но с переделанным зобом. Или, проще, курица с заслонкой. Вы, очевидно, знаете, что птица тогда бывает голодна, когда у неё зоб пустой. Исходя из этой концепции, мы оперировали куриный зоб. Вырезали его переднюю стенку и монтировали на это место жестяную заслонку.

— И-да, — сказал я, с сожалением глядя на измученную птицу.

— С рассвета голодную курицу я вывожу на плантацию, и она с остервенением начинает клевать долгоносиков. Минут через пятнадцать — двадцать я замечаю в её движениях этакую вялость. Значит, зоб набит, аппетит утолён. Тогда я дёргаю вот за эту самую верёвочку, заслонка открывается, и мёртвые жуки сыплются на землю. Курица, ощутив голод, снова набрасывается на вредителя.

— Вот вы, товарищ Кавун, имеете непосредственное отношение к курам. А скажите по совести: ни разу вашу науку не подымали куры насмех?

Кавун побагровел, вскопчил, закричал:

— Чую!.. Вы, Остапенко, бюрократ!

Схватив курицу в охапку, Кавун бросился к выходу. Верёвочка зацепилась за дверную ручку, и механическая заслонка, гремя и подпрыгивая, покатила по полу.

Почти два года Афанасий Кавун морочил головы курам, обманывал сотрудников института, выдавая сущее шарлатанство за науку. В летние месяцы он покидал стены лаборатории и ехал в наши солнечные края с «творческой командировкой» в кармане. За государственный счёт он жил тут, как на даче. Прошлым летом директор института досрочно отозвал Кавуна с дачи и выставил его за дверь лаборатории. А к нам прислал настоящего учёного и очень просил меня, ежели в какой докладной найдёт речь о Кавуне, то не указывать наименования института...

В большом потоке истинных новаторов колхозного производства я бы давно забыл Кавуна, если бы не явился Новлянкин.

На вытянутых руках он нес перед собой старое деревянное корыто с землёй. От корыта свисали вниз какие-то скрюченные, уродливые растения.

— Наше вам, Макар Матвеевич!

— Здравствуй, — говорю, — товарищ Новлянкин! С какой оказией прибыл?

Я знал Новлянкина по Архангельской области. Он работал в Емецком лесничестве и

выращивал на полянке землянику.

— Прослышал, Матвееч, что вы тут к пропаганде передовых методов отношение имеете. А я на текущем этапе мичуринский опытник. И приехал поэтому, что в Архангельске не понимают меня!.. Со времён Адама, Матвееч, пшеница росла колосом кверху. Это была ошибка природы. Вода и пища, которые высасывает корневая система из земли, очень медленно и в ограниченных дозах поступали к колосу. Оттого злак получался шуплый. Я повернул пшеницу колосом вниз. Полюбуйтесь! Перед вами корыто вверх дном. Весною я насыпал сюда обыкновенного чернозёма, высеял пригоршню яровой пшеницы, полил, удобрил и сверху приколотил проволочную сетку. Когда пшеница взошла и хорошо раскустилась, я подвесил корыто дном кверху. Густая и прочная металлическая сетка предохраняла землю от высыпания. Таким образом, питательные соки и вода идут теперь из земли к колосу не кверху, а книзу. Пшеничное зерно при таком питании через две-три генерации достигнет размеров фасоли.

— Ты что ж, товарищ Новлянкин, приехал за советом или хотел бы узнать моё мнение о своём опыте?

— А чего тут, Матвееч, советовать: дело ясное. Надо приступать к реализации, внедрять мои методы во все колхозы!

— Вот что по-дружески посоветую я тебе, товарищ Новлянкин... Ради бога, не заикайся о своём методе в присутствии колхозников. Иначе окончательно потеряешь авторитет.

Да, что и говорить, фантазёры! Но Кавун и Новлянкин — фантазёры относительно малого пошиба. Ни в какое сравнение не идут они с Алексеем Колчиным. У этого было бы чему поучиться даже гоголевскому фантазёру Манилову!

Каким ветром занесло Колчина в нашу свекловичную зону, ума не приложу. Сам он коренной житель города Чистополя, Татарской республики. Одно время занимал пост начальника межрайонной метеорологической станции.

С портфелем, разделанным под крокодиловую кожу, он зашёл ко мне в самой середине зимы.

— Есть ли в вашей местности горы с вечными снегами? — спросил Колчин.

Я не сразу понял, чего хочет посетитель. Но он с серьёзным видом повторил свой вопрос. Я ответил в том смысле, что в нашем степном краю гор в наличии не имеется.

— Жаль! — с ноткой искреннего сожаления в голосе сказал Колчин. — Однако это — дело поправимое. Возьмёмся с ва-

ми за степные снега. Подчистую сгоним их с полей!

Я ущипнул себя за нос и убедился, что не сплю. Между тем посетитель продолжал:

— Да будет вам известно, я задался целью сбить снеговые шапки с Казбека и Шатгоры, с Эльбруса! Меня также занимает проблема снегосгона в степной части нашей планеты.

— Позвольте, — возразил я, — до сих пор мы ориентируем колхозников на снегозадержание.

— Не делайте, товарищ Остапенко, преждевременных выводов! Я глубоко убеждён, что моя идея борьбы со снегами захватит и увлечёт вас.

— Чем же вы собираетесь растопить снега?

— А вот чем! — ткнул Колчин указующим перстом в мою чернильницу. — Снег, окрашенный в чёрный цвет, быстрее тает. Если мы обольём чернилами седые головы горных исполинов, то через некоторое время вы сможете разбивать там чайные плантации.

— Но какой смысл заниматься снегосгоном в степи?

— Большой смысл, товарищ Остапенко! Предположим, у вас снежный покров на полях сходит пятого апреля. А мы сгоним его в феврале и проведём сверххранний сев...

Колчин открыл портфель и вынул оттуда пачку бумаг.

— Несмотря на неоспоримость моей идеи, я, товарищ Остапенко, в течение двадцати лет бьюсь, как рыба об лёд. А воз и ныне там. Взгляните на эти бездушные ответы!

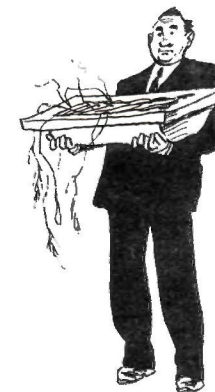
Я углубился в бумаги. Читал, надо сказать, не без интереса. Тут были рецензии на предложение Колчина, подписанные известными мне людьми: академиком М. Ольшанским, кандидатом сельскохозяйственных наук А. Пухальским, профессором П. Смоляковым, кандидатом сельскохозяйственных наук А. Савченко-Бельским...

Их рецензии были составлены в таких выражениях, что не поймёшь, то ли они одобряют предложение Колчина, то ли отвергают. Но никто из рецензентов за многие годы, к сожалению, не сказал этому умопомрачительному фантазёру, что он дремучий невежда.

Я с грустью подумал, сколько драгоценного времени отнял чистопольский Манилов у людей, занимающихся подлинной наукой и честным трудом!

...Где тысячи людей со светлыми мыслями и дерзанием творят большое дело, туда нет-нет, да и примажется какой-нибудь пронырливый алхимик вроде Кавуна, Новлянкина или Колчина. Но такие люди, словно щепки в бурном потоке: покружатся, покружатся в водовороте, мелькнут на волне и — глянь — выброшены на отмель.

Н. ВОРОБЬЕВ,
В. ЖУРАВСКИЙ

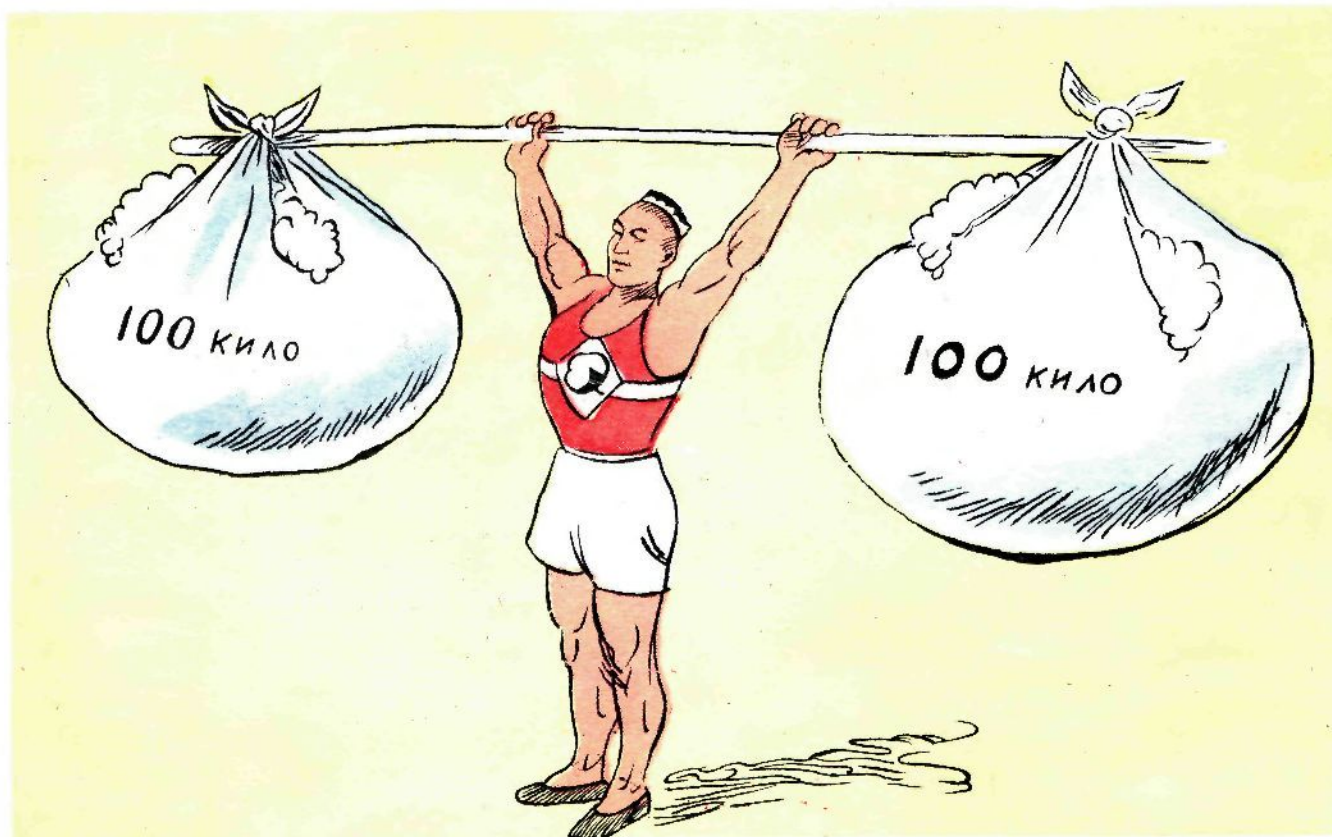

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА МУШТУМ

(НОВЫЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, ВЫХОДЯЩИЙ В УЗБЕКСКОЙ ССР)

ХОРОШЕЕ ПОЖЕЛАНИЕ

Рис. М. ВОРОВЕИЧКОВА

Мы желаем хлопкоробам каждый день ставить такие рекорды.

ГДЕ-ТО В ОРЛЕ...

(ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕКТОРА)

5 июня 1951 года. Сегодня знаменательная дата в моей жизни: ровно три года назад я был единодушно принят в члены Орловского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Три года я с честью ношу это почётное звание. И, глядя на скромную членскую книжку, я искренне сожалею, что за всё время пребывания в рядах общества мне ни разу не удалось выступить с лекцией.

Свой скромный юбилей я отметил культпоходом в театр, где смотрел новую постановку. Вернувшись домой и поужинав, я по собственной инициативе позвонил по телефону председателю нашего общества тов. Ефремову и обещал ему прочитать до конца года минимум одну лекцию.

— Большое спасибо! — горячо благодарил меня тов. Ефремов, глубоко тронутый моей активностью.

18 июня. Оказывается, июнь является юбилейным месяцем не только для меня: секретарь обкома ВЛКСМ тов. Дячук, директор областной партийной школы тов. Чаров и ряд других не менее ответственных, чем я, работников почти в один день со мной вступили в члены общества. Но они так же, как и я, за три года не прочитали ни одной лекции.

Сознавая свою вину, я решил написать в ближайшем будущем для местной газеты статью, в которой предложу повести настойчивую борьбу против тех, кто пренебрегает своими обязанностями члена общества.

17 сентября. Сегодня по радио было объявлено, что в Доме учителя состоится общегородское собрание членов нашего общества. Из двухсот шестидесяти членов, проживающих в Орле, на собрание явилось только сорок пять человек. Остальные имеют, очевидно, дурную привычку выключать радио в своих служебных кабинетах, поэтому они лишили себя удовольствия познакомиться с докладом ответственного секретаря общества тов. Конаева о развёртывании лекционной пропаганды.

После принятия постановления тов. Конаев предложил присутствующим послушать лекцию о международном положении. Все сорок пять человек (в том числе и я) восторженно встретили это предложение. Но тут выяснилось, что в зале отсутствует лектор, он же член президиума областного правления общества тов. Горин.

Присутствующие были возмущены. Между тем тов. Горин абсолютно не виноват: в его квартире вот уже несколько дней не работает радио, поэтому он не знал о предстоящем собрании.

24 октября. Вчера вечером узнал о результатах деятельности нашего общества за шесть месяцев этого года. Огорчило меня, что только в одном селе Орловской области нашим обществом образована первичная организация, что за полгода об опыте передовиков сельского хозяйства было прочитано всего четыре лекции. И ещё меня огорчило количество изданных брошюр с лекциями — ноль целых и ноль десятых. Твёрдо решил в ближайшие же дни выступить с лекцией в колхозе.

16 ноября. Был по делам службы в колхозе, но торопился в город, на заседание правления нашего общества. От лекции пришлось временно отказаться.

Однако своё обещание, данное тов. Ефремову по телефону в мой юбилейный день, я обязательно выполню в первой половине будущего года... Со своей стороны вызываю на соревнование работника отдела пропаганды и агитации обкома партии тов. Кириллина, заведующего сектором печати обкома партии тов. Аллилуева, секретаря заводского райкома партии города Орла Раису Ковальчук и других членов общества, не принимавших в последнее время никакого участия в лекционной работе.

Пора активизироваться, дорогие товарищи!

Дневник подготовил к печати
И. ГАВРИАСВ

Орёл.

Арифмометр НАД СЕТКОЙ

НА СТОЛЕ трещал арифмометр. Человек со спортивным значком, склонившись над волшебным аппаратом, яростно крутил рукоятку и выжимал из техники всё, что можно. В своём миниатюрном металлическом чреве арифмометр переваривал сотни сводок, присланных из областей. На экранчик весело выскакивали цифры. И под сводами комнаты, в которой располагался Центральный совет спортивного общества «Колхозник», раздавались звучные возгласы:

— Разрядников 18 тысяч! Общественников 37 тысяч!! Знакистов... Рекордсменов... Мастеров...!!!

Цифры перелетали со стола на стол и, наконец, найдя успокоение в графах отчёта, ложились в папку председателя совета тов. Кукушкина.

И вот в один из таких волнующих часов высокого спортивно-статистического накала мы робко переступили порог физкультурного штаба:

— Расскажите нам о спортивной погоде в областях.

Тов. Ракович, кратковременно замещавший председателя, ознакомил нас с метеорологической сводкой:

— Жаркие спортивные дни стоят в Краснодарском крае. Неприятных осадков на душе физкультурная работа здесь не оставляет. И с отчётностью ясно. Густая облачность наблюдается в Ивановской и Калужской областях. Тут даже грозы из Центрального совета мало разряжают атмосферу. Не очень облачно, не очень ясно, например, в Тамбовской области...

— То есть как это понимать?

— Да так, средненько там... Как говорится, ни в авангарде, ни в обозе... Ну, а конкретно лучше уточнить на месте...

— Средненько... Это нас заинтересовало. А ну-ка, сколь успешно колхозники «средней» области бегают стометровку, плавают брасом и делают жим двумя руками?

Итак, мы на месте. Итак, мы уточняем.

Пожалуй, только чуть привело нас в эту проходную комнату, на двери которой припилена пожелтевшая бумажка: «Тамбовский областной совет ДСО «Колхозник». Сколько мы ни оглядывались, при входе в Дом учителя, где затерялось это помещение, никаких ориентиров, направляющих путника в спортивное общество. Голый фасад свято хранил свою тайну.

Впрочем, тайна не сразу раскрывалась и внутри комнаты. Не стоял на столе председателя традиционный сервиз из серебряных кубков, хрустальных ваз и хрустально-серебряных крышонниц, захваченных в упорной спортивной борьбе. Не покоились в уголке бывалые футбольные покрывки и выдавшие виды лыжные палки...

Разговор о спортивной погоде не слишком по душе пришёлся руководящим товарищам областного «Колхозника». И диалог поучился довольно туманным.

— Скажите, — спросили мы у заместителя председателя тов. Колганова, — в каком районе спортивное общество развернуло свои плечи, как говорится, во всю ширь?

— Вот в Алгасовском... — нерешительно начал Колганов.

— Что вы, что вы! — громко зашептал инструктор Шинкаренко. — Там уже всё угасло.

— Гм-гм. Ну, тогда в Урловке тоже это...

— Как можно? Там председатель... сбежал. Не вынесла душа, так сказать, одиночества... Местные организации не пособили. — Если в Сосновском...

Но тут вырвался вперёд бухгалтер.

— Помилуйте! — возопил он. — Там со взносами того... Они нам всю финансовую базу подрывают. Хоть сейф продавай!

— Знаете что, товарищи, — с решимостью заключил заместитель председателя, — вы лучше сами поездите. Увидите, так сказать, на местах. Надо быть ближе к массам. И, кстати, если не будет затруднительно, уточните для нас, есть ли в Мичуринске... председатели районного совета общества.

После столь откровенной просьбы мы поняли, что Колганов знает спортивную жизнь колхозов примерно так же, как скифский кочевник — правила уличного движения. Впрочем, одна фраза, брошенная инструктором, поддержала наш упавший дух: кажется, в Кирсановском районе, в колхозе-миллионере, спортивная работа на уровне и даже как будто кипит...

Но и в этом колхозе работа не кипела. И даже не была на уровне. Год назад, когда среди спортивных вымпелов впервые появился жёлто-зелёный флаг общества «Колхозник», сюда наезжали гости из областного центра. Они говорили горячие слова о значении утренней зарядки и преимуществах лыжника перед

пешеходом. Шестидесят бодрых юношей и девушек тут же приятно поразили гостей своей силой, ловкостью и многочисленными спортивными талантами. Инициатива молодёжи создала различные спортивные секции, физкультурные площадки.

— Вот, вот, — многозначительно сказали гости из Тамбова. — Теперь всё это надо организационно закрепить. И в темпе продолжать дальше. А мы поможем, проверим, поддержим, в конце концов...

Молодёжь, как говорится в таких случаях, засучив рукава футболок, энергичически взялась за дело. Но пролетело красное лето, и зима уж прикатила в глаза, а между тем из центра никто не помогал, не проверял, не поддерживал, в конце концов. И начатое дело в темпе развить не удалось.

Впрочем, нельзя сказать, что руководители из областного совета общества «Колхозник» и областного комитета по делам физкультуры и спорта так уж и совсем забыли о низовых коллективах. Иногда в правлениях колхозов раздаются повелительные звонки из Тамбова:

— Срочно! Экстренно! Мгновенно! Выслать пять бегунов на областную спартакиаду!

— Нужно! Необходимо! Обязательно! Выставить для состязаний десять сабель!

И пять бегунов, наскоро проведя за околицей тренировку, отправляются в дальний путь. И десять сабель сомкнутым строем маршируют по дороге к поезду.

Мы вспомнили метеорологическую сводку: «На Тамбовщине не так уж ясно, не так уж облачно». Ясно то, что среди колхозников есть тысячи людей, страстно желающих бегать стометровку, плавать брасом и делать жим двумя руками. Есть в колхозах и немало энтузиастов, которые всё это выполняют с успехом. И они возглавляют новое, молодое замечательное движение — движение сельских физкультурников. А вот облачно — это уже относится к организационной и учебной работе.

Ошибка была допущена ещё при старте. В первые дни существования нового общества тамбовские организаторы форсированным образом повели борьбу за «охват членством». И охватили двадцать семь районов! При этом толком даже не разъясняли, что к чему. Важно то, что по телеграфным проводам в Москву полетела победная реляция: «Всё в порядке! Охватили! Физкультпривет!» Но дальше организаторы как-то выдохлись, а может, попросту прикорнули на не присланных ещё из Москвы лаврах. И с дистанции один за другим стали сходить районы: Избердеевский, Пичаевский, Алгасовский... Пока в Тамбове строчили докладные («охвачено членством столько-то»), в колхозе сами по себе не выросли кадры инструкторов-общественников. Но пока в списках росло число юридических членов общества, уменьшалось число членов фактических.

Спортивные деятели Центрального совета, подробно введённые в курс дела справками о юридических членах, испытывали блаженное спокойствие. И не баловали Тамбовщину своими наездами. Ох, как не баловали!

Есть отличное выражение: «Физкультурник находится в спортивной форме». Спортивная форма — это то, что рождает хорошие предпосылки для завоевания кубков и медалей. Но бывает ещё и другое: «Спортивный формализм». Он никаких предпосылок, кроме скверных, не создаёт.

Когда мы вернулись из поездки по Тамбовщине, то прежде всего зашли в Центральный совет общества «Колхозник».

— Ай-яй-яй! — покачал головой тов. Кукушкин. — Стоило ли вам ехать в Тамбов? Это ж не показательно! Вот бы в Краснодарский! Там сама природа способствует спорту. Юг! Поблизости Нальчик! Классическое место всесоюзных сборов и соревнований!.. А тут что? Среднее местечко...

Во время разговора с нами тов. Кукушкин перебирал бумажки в своей заветной папке. За стеной попрежнему трещал арифмометр. Порхали в воздухе цифры: «Разрядников — 18 000! Общественников — 37 000! Знакистов... Мастеров...» И лицо председателя общества выражало удовлетворение: в среднем всё было сносно...

Мы не против хорошо отрегулированной отчётности. Мы за неё. Но мы против перепасовки цифрами. Против того, чтобы над сеткой вместо тугого кожаного мяча летали арифмометры.

И хочется, чтобы спортивная погода в любом — северном, южном, среднеполосном — колхозе была только ясной и солнечной.

Бор. ЕГОРОВ,
Ян ПОЛИЩУК

ЗА ШАХМАТНОЙ ДОСКОЙ

УЛОЖИВШИСЬ в календарные сроки, жаркое лето передало эстафету холодной осени. Запорошило первым снегом опустевшие трибуны стадионов. Центральные нападающие и правые полусредние, убрав майки и бутцы, привели в боевую готовность коньки и хоккейные клюшки.

Летний спортивный сезон окончился, зимний ещё не вступил в свои права. Наступил период, когда, как говорил поэт, «роняет лес багряный свой убор, сребрит мороз увянувшее поле». И только сердце болельщика попрежнему не знает покоя. Ревнитель спорта с таким же жаром, как и в мае, волнуется зимой, переживает, составляет прогнозы.

Сейчас центр спортивной жизни переместился со стадиона «Динамо» на Пушкинскую улицу. Здесь, в Колонном зале Дома союзов, в девятнадцатый раз разыгрывается почётное звание чемпиона страны по шахматам. В эти дни любители футбола, волейбола, бега на длинные и короткие дистанции дружно влились в многочисленные ряды почитателей шахматного искусства.

По вечерам у входа в Колонный зал раздаются такие понятные всегдагда стадиона слова: «Нет ли лишнего билета?»

Очутившись в фойе, болельщик сразу же попадает в знакомую обстановку.

Здесь нет равнодушных людей. У демонстрационных досок горячо обсуждают шансы «белых» и «чёрных». Спорят здесь с не меньшим азартом, чем на Восточной трибуне стадиона «Динамо». На каждый ход пешки реагируют с таким же темпераментом, как на стремительный прорыв центрального нападающего или на удачный старт любимого бегуна.

В зрительном зале, освещённом сотнями ярких ламп, царит торжественная тишина. Слышно, как пощёлкивают шахматные часы. Восемнадцать участников турнира

обдумывают очередные ходы. Изредка по рядам перекачивается шепотом какая-нибудь фраза:

— Конь съел пешку...

Или:

— Король спасается бегством...

Вдруг в тишине раздаются слова, которые повергают истинных знатоков шахмат в священный гнев:

— Симонян опять пошёл не туда.

— Не Симонян, а Петросян, — поправляют сконфуженного мужчину сразу пять человек.

— Напрасно Ботвинник не разыграл мой вариант, — тихо обращаясь к соседу, произносит зритель в пионерском галстуке. И несколько солидных болельщиков тотчас склоняют свои головы к миниатюрным шахматам, которые благоговейно держат на коленях чемпион шестого класса «Б» одной из московских школ.

И пока гросмейстеры разыгрывают варианты чигоринской системы, в фойе не затихают горячие споры. Новички почтительно слушают комментарии партий, стараясь запомнить не совсем ещё понятные слова: «гамбит», «цейтнот», «рокировка».

— Трудно придётся молодым, — говорит пожилой мужчина с портфелем, приехавший сюда, видно, прямо с работы. — Опыта ещё у них нет, выдержки не хватает.

— Это неважно, — перебивает его вихрастый юноша. — Молодёжь в этом году уверенно идёт вперёд. Например, в футболе. Команда города Калинина. Молодая? Молодая. Недостаточно опытная? Недостаточно опытная. А сколько умудрённых многолетним опытом калининцы заставили потесниться!

Мужчина с портфелем отступает перед вихрастым пареньком: ему нечего ответить.

В это время прибегает из зала чемпион шестого класса «Б» и сообщает, что Ботвин-

ник согласился на ничью с Таймановым, своим бывшим учеником.

В это же время в другом конце фойе начинается сеанс одновременной игры. За аккуратно расставленными досками рассаживаются посетители Колонного зала, которые пять минут назад были зрителями, а сейчас уже сами находятся в центре внимания.

Сеанс начал. Гросмейстер на всех досках делает ход e2-e4. Вокруг играющих собираются зрители. Здесь так же, как и в большом зале, волнуются, переживают, составляют прогнозы...

Гросмейстер быстро переходит от доски к доске. Вдруг он останавливается, чешет затылок и, подумав, произносит:

— Сдаюсь.

Победитель смущённо улыбается, вертит в руках ладью и потом вдруг быстро встаёт и бежит вниз по широкой лестнице. Его провожают сочувственными взглядами. Все знают, что он побежал в телефон-автомат звонить на работу, домой, своим знакомым.

И все разделяют чувства счастливицы. У него сегодня большой день: он выиграл у гросмейстера! Завтра на работе полдня он будет рассказывать сослуживцам об этой встрече.

...В десять часов тридцать минут на сцене Колонного зала останавливают часы. Гаснут люстры. Болельщики разъезжаются по домам.

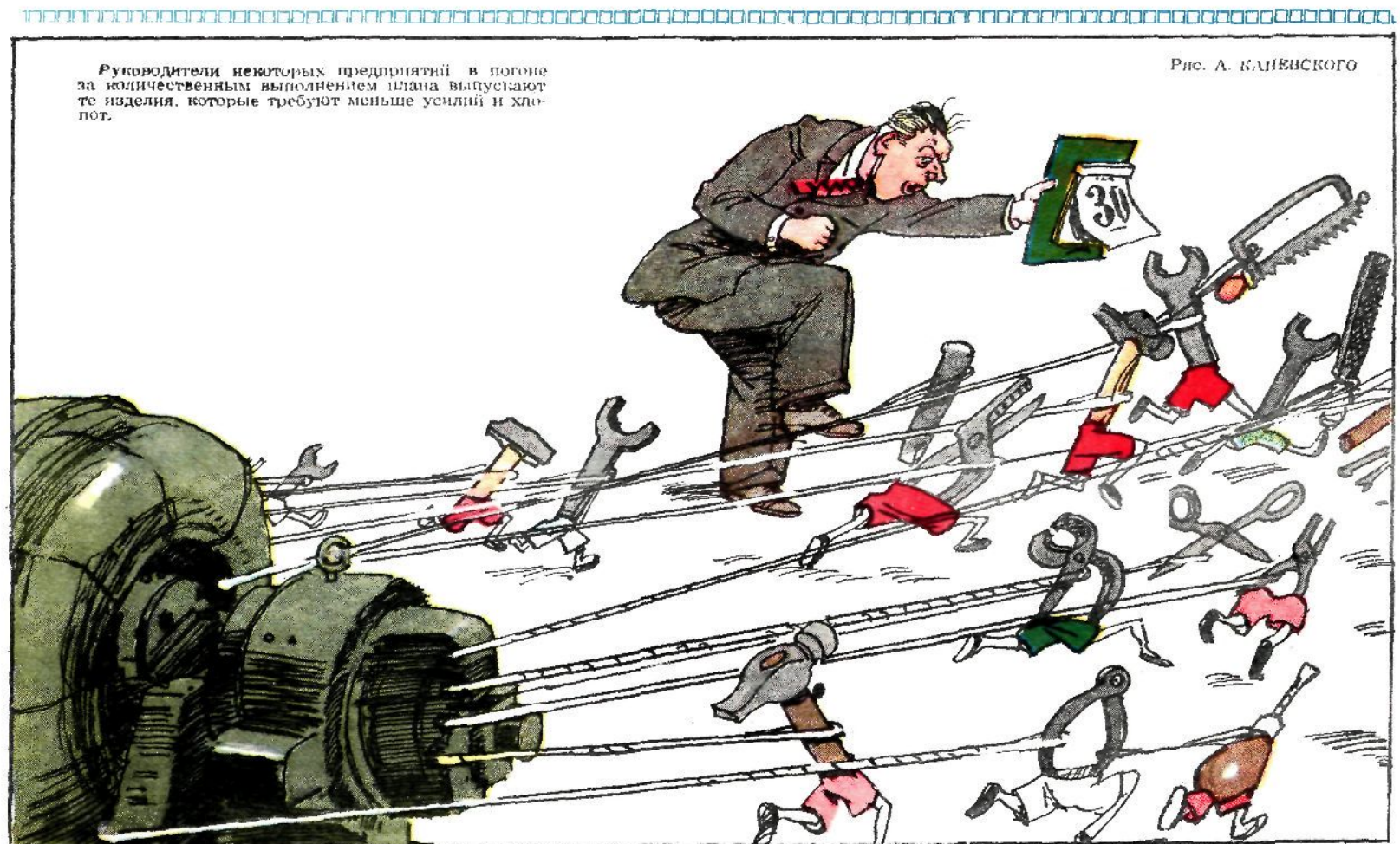
Придя домой, болельщик расставляет на шахматной доске фигуры, задумчиво смотрит на пешки.

Мать уводит двухлетнего сына в дружную комнату, приговаривая на ходу:

— Тише, у папы домашний анализ.

В этот час также не спят сотни любителей шахмат. Они анализируют партии, изучают ходы, ищут пути к победе, и каждый из них желает успеха всем и победы сильнейшему.

В.А. НОВОСКОЛЬЦЕВ

Руководители некоторых предприятий в погоне за количественным выполнением плана выпускают те изделия, которые требуют меньше усилий и хлопот.

Рис. А. КАБАНОВА

— Вывозите, родимые!..

ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Мы ехали всем составом цирка давать представление строителям Куйбышевской ГЭС. Мимо проплывали неузнаваемо изменившиеся за последние годы берега Волги. У Молодецкого кургана, по Жигулёвским горам — всюду строительство, буровые вышки.

И вот тут, у Жигулёвских ворот, администратор Затульский объявил, что выступать будем на стадионе, под открытым небом.

Мы, воздушные гимнасты, так и ахнули. — Как же мы без купола будем выступать? — чуть не со слезами осаждала администратора моя партнёрша Алла Кастальская.

Но возвращаться было поздно, и мы уныло сошли на берег вместе со всеми.

На стадионе публики собралось видимо-невидимо. Молодое поколение разместились на заборах и деревьях.

Мы с Аллой совсем загрустили: выступление перед славными строителями состоится без нас. И вот оно уже началось.

Мы с отчаянием смотрим на ясное небо, за которое, к сожалению, ничем нельзя зацепиться, наконец не выдерживаем и идём к директору стадиона:

— Помогите, вы же спортсмен!

— Тут больше инженер нужен, — разводит тот руками и кивает на молодого человека в забрызганной известью спецовке. — Вот разве товарищ прораб участка поможет...

Алла умоляюще смотрит на молодого инженера.

— Что я могу сделать? — разводит тот руками. — Если бы денёчком раньше сказали, тогда другое дело: могли бы столбы вкопать.

— Кто бы это разрешил футбольное поле уродовать? — возмутился директор стадиона. — Насчёт столбов и не думайте!

— А что если!.. — восклицает вдруг прораб. Он отводит Аллу в сторонку и чертит что-то на песке.

Алла восторженно хлопает в ладоши и кричит мне:

— Одеваться, мы выступаем! Ура!

Я пока ничего не понимаю, но уже через пять минут мы готовы. А ещё через пять на импровизированную арену выезжает автокран.

На арене объявляют:

— Следующий номер нашей программы — воздушные акробаты на автокране. Впервые в мире, только для строителей ГЭС!

Хобот крана опускается к земле.

— Как высоко вас поднимать? — спрашивает пожилой шофёр с седыми усами.

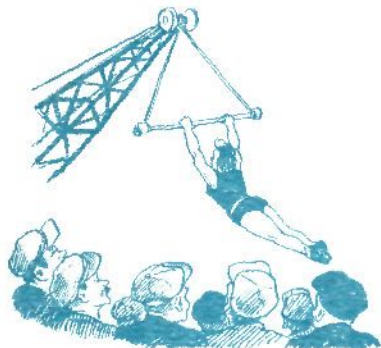
— Я поцелую вам воздушный поцелуй, — отвечает Алла. — Это будет сигналом «стоп».

На лице шофёра добродушное недоумение. Он знает «майна», «вира», а по таким сигналам ему работать не приходилось.

Но всё сошло благополучно. Строители тепло встретили наше выступление — мы были счастливы.

К. КАЛИНИН,

член литкружка «Куйбышевгидрострой»

Институт физического воспитания Академии педагогических наук обследовал режим дня учащихся ряда средних школ. Учебные занятия в этих школах отнимают у детей слишком много времени. Они мало бьются на воздухе и не занимаются спортивными играми.

— Васенька обещал, если рано освободится, поговорить с нами сегодня, а бабушку просил зайти к нему как-нибудь на днях!

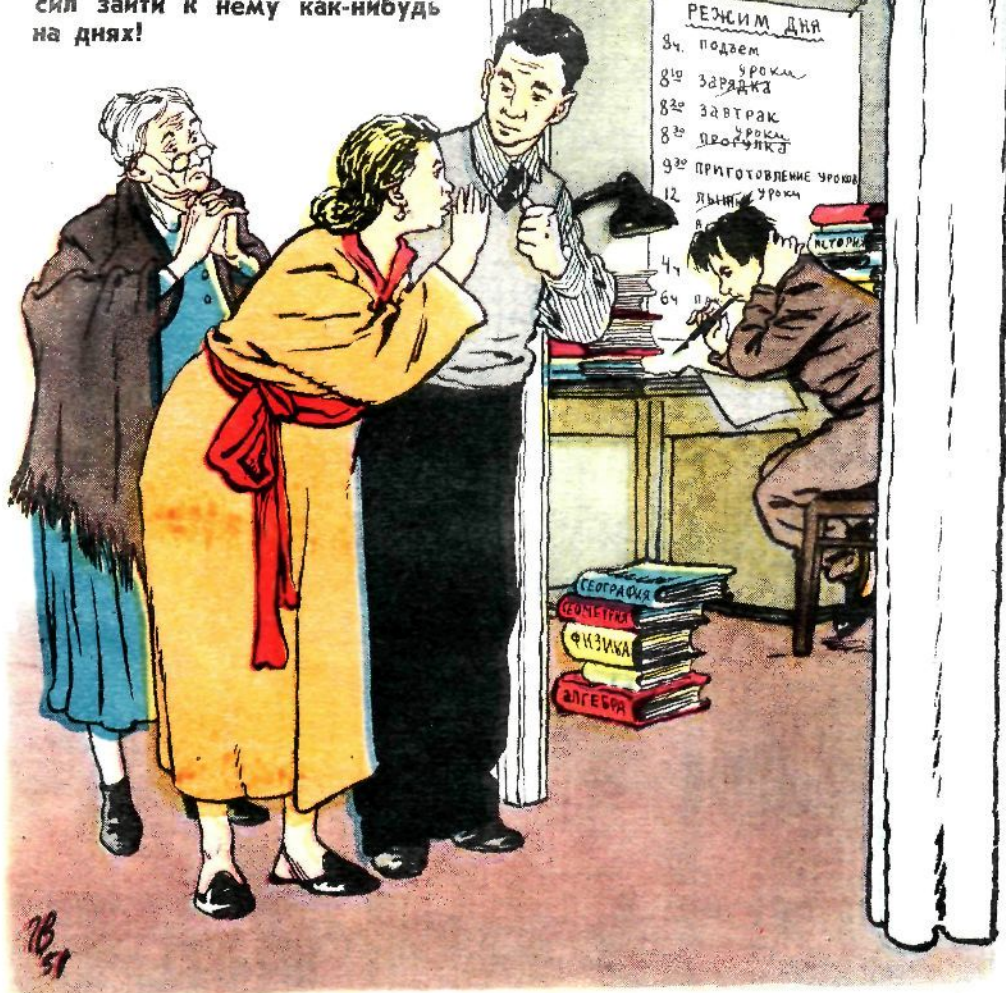

Рис. Г. ВАЛЬКА

ВЕК ЖИВИ, ВЕК УЧИСЬ...

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ литературный музей издаёт под общим названием «Звенья» сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX веков. Материалы снабжены примечаниями и статьями научных работников.

В восьмом выпуске сборников «Звенья» опубликована переписка И. С. Тургенева с Я. П. Полонским. Переписка интересная. Но учёные примечания не просто интересны: они поражают своей оригинальностью и открывают широчайшие перспективы для новых изысканий. Они ниспровергают все установленные в науке положения.

Вот примечание на стр. 170: «С П. И. Чайковским Полонский имел переписку по случаю 200-летия со дня смерти Петра Великого в мае 1872 г. и устройства Политехнической выставки, на которой была исполнена кантата, написанная Полонским и переложённая на музыку Чайковским».

Автор примечания Г. П. Миролубов, таким образом, утверждает, что Пётр Великий умер в том же году, когда родился. Перед историками России встаёт интересная задача: надо установить, кто же был тем человеком, который умер в 1725 году под именем царя Петра? Мы

надеемся узнать об этом в следующем выпуске «Звеньев».

Не менее сенсационно второе открытие Г. П. Миролубова. Мы читаем на стр. 172, не веря глазам своим:

«П. И. Чайковский (1840—1893) — гениальный русский композитор, автор многих опер («Опричник», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Мазепа», «Чародейка», «Черевички», «Хованщина», балетов «Лебединое озеро», «Щелкунчик» и др.)...».

Подумать только! Сколько лет весь мир пребывал в заблуждении, приписывая оперу «Хованщина» гениальному Мусоргскому! И вот оказывается, она принадлежит Чайковскому. Неизвестно пока, то ли Чайковский «переложил» чужую музыку на свою или, быть может, написал свою собственную «Хованщину», которая доселе была под спудом и ныне разыскана учёным мужем Миролубовым.

Вся история поставлена дыбом. Надо переучиваться по Миролубову, учёному деятелю Государственного литературного музея.

Мы с нетерпением ждём следующего выпуска и следующих сенсационных открытий.

К. ПТИЧКИН-СИННИЧКИН

БЕЗВОДНАЯ ГИДРОСТАНЦИЯ

Через Можары протекает, в Оку своей направляя путь, Пара — речушка небольшая...

Но не в речушке этой суть.

Здесь гидростанцию построить решили в самый сжатый срок и как-то летнею порою воздвигли здание над Парою, но... без проекта, на глазок. И так строители спешили, что, строя дамбу на реке, нечаянно о «пустяке» — о водоспуске — позабыли!

Пришла весна. Река полна. Ей в берегах у дамбы узко, и вот, не видя водоспуска, дорогу новую она в полях колхозных проложила.

Какое ж изумленье было, и как волненья велики! Нет возле станции реки: по руслу новому помчалась, а гидростанция осталась на холмике сухой земли, как рак, застрявший на мели!

Но люди энергичны были: второе русло запрудили и речку обратили вспять — по руслу прежнему бежать.

По старой и плохой привычке постройку новой перемычки строитель сделал кое-как... Он снова попадёт впросак, и дело кончится бедою: придёт весна в урочный срок, и дамбу ту и водосток затопит полою водою, а гидростанции опять придётся туго без речонки, и будет станция стоять от «гидро»... где-нибудь в сторонке.

И. АСТОВ

Можары,
Рязанской обл.

С ВАС ПРИЧИТАЕТСЯ...

Не исключено, что, прочитав эти строки, начальник первого главторга Министерства торговли РСФСР тов. Глинкин пожелает высказать несколько дельных соображений. Пожалуйста!

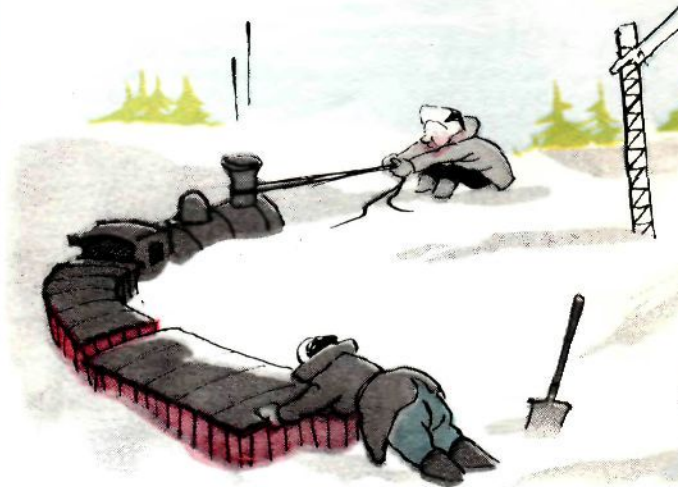
Тем более, что повод для обмена мнениями налицо. Вот уже год, как в подчинённом тов. Глинкину главке резко сократились почтово-телеграфные расходы. И всем, естественно, интересно, как он этого добился.

Можно было бы предположить, что это сделано за счёт сокращения переписки. Но как же руководить без писем и особенно без телеграмм! Нет, начальник первого главторга нашёл куда более интересный, хотя тоже простой выход из положения. Его можно изложить буквально в трёх словах. А именно:

«Телеграмма ваш счёт».

Начиная с 23 ноября 1950 года этими тремя словами завершаются все телеграммы, густым потоком идущие из первого главторга в адрес подчинённых и не подчинённых ему областных организаций. А следом за телеграммами поступают (на сей раз по почте) извещения: с вас, мол, причитается.

Весьма возможно, что, прочитав эти строки, тов. Глинкин пожелает высказать несколько полезных соображений. Пожалуйста! Об одном только просим: если он будет высказываться телеграфно, — пусть не за наш счёт.

Юдинский железнодорожный узел. Неповторимый, т Охотно преподносим это полотно начальнику Казанской

Лыжная база спортивного общества «Дзержинец» в Челябинске. Незаконченный этюд. Вина в этом не столько художник, сколько администрация базы.

Зима в Новосибирске. Обледенение и дрейф вокруг водоразбор Яркая иллюстрация к работе отдела коммунального хозяйства.

Только ему присущий пейзаж,
и дороги.

Скотный двор в колхозе «За власть советов» [Зачепиловский район, Харьковской области]. Автор этого довольно неприглядного наброска — заведующий животноводческой фермой колхоза Ф. Кашеев.

Старая картина. Ничего нового в ней нет.

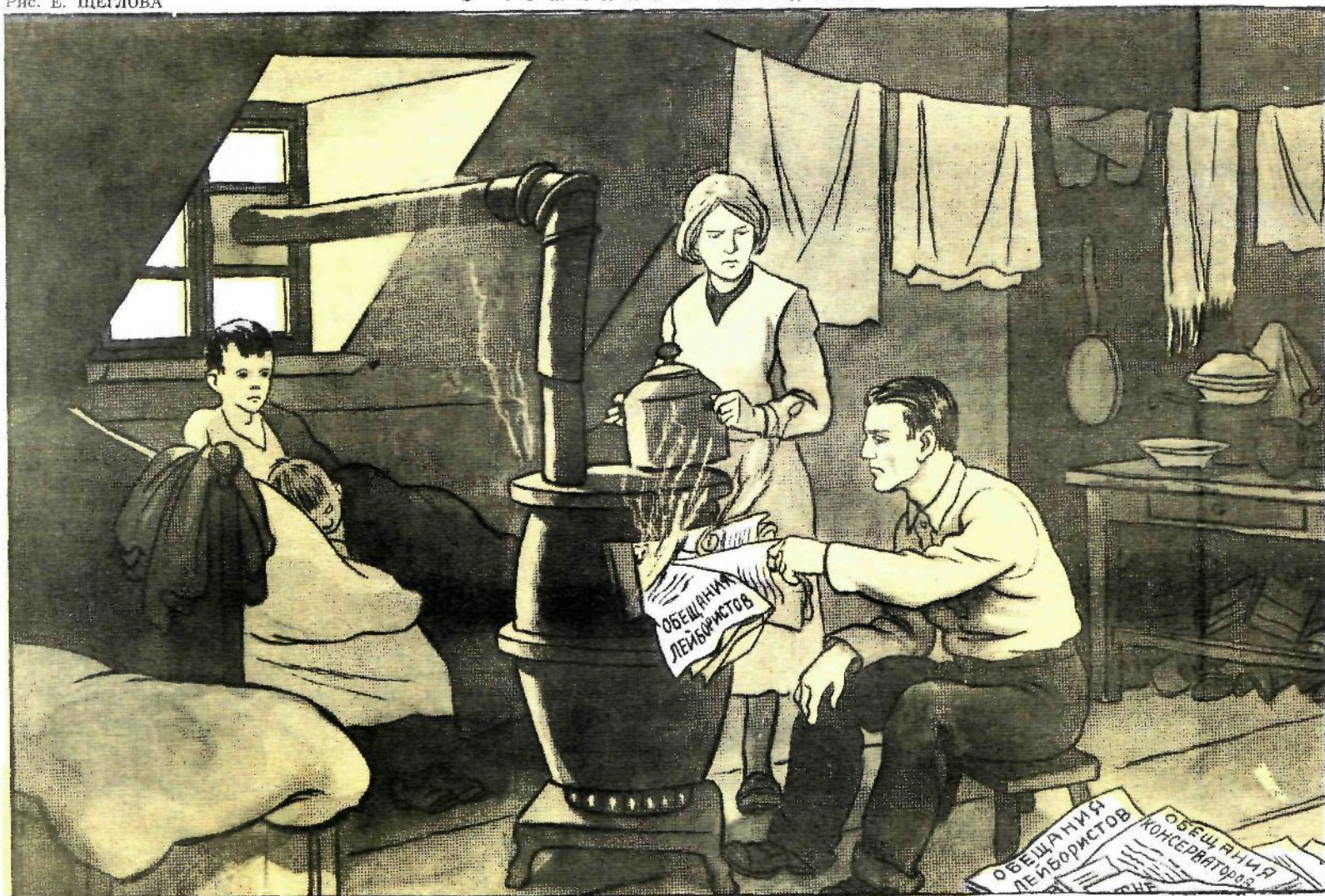
Портрет заведующего клубом в селе Атепцево [Московская область] в домашней обстановке. Запечатлеть его в рабочей обстановке, к сожалению, не удалось: клуб зимой, как правило, не работает.

рной колонки.

А здесь при всём желании наш художник признаков зимы не обнаружил.

— Только обещаниями наших правителей и отапливаемся!

БАРХАТНЫЙ ЗАНАВЕС

В БУРЖУАЗНЫХ литературных кругах Америки тревога. Убийства и сыщики, погромы и изнасилования начинают приедаться американским читателям, и от этого не отмахнёшься. Надо же, в конце концов, порадовать читающую публику чем-то свеженьким.

О чём писать? Доморощенные критики, большие знатоки и тонкие ценители разных уголовных сенсаций, стали втупик.

Вот почему газета «Нью-Йорк таймс» предложила видному английскому литературоведу Иверу Брауну высказаться, какой, по его мнению, должна быть литература в наши дни. Тот охотно откликнулся на призыв и живо состряпал статейку под игривым заглавием «А почему бы не писать о нарциссах?», которая была незамедлительно опубликована.

В этом своём сочинении почтенный критик наметил «новую программу» современной литературы. По просвещённому мнению Брауна, современная литература прежде всего должна предохранить читателя от «натиска поистине скверных новостей» и «обеспечить потрясённым умам тихое пристанище». Пусть, дескать, люди, читая романы, вообразят, будто они живут не в Америке, а где-нибудь там в счастливой Аркадии.

Эту бесхитростную мысль мистер Браун подкрепляет «гуманным» соображением, что, мол, в тяжёлые времена «кризисов, смут, тревожений, конфликтов и смятения» читатель имеет право на «мирное убежище».

«Добрый толстый роман должен послужить мягкой тахтой для наших взбудораженных чувств, — заливаётся Браун. — Такой роман может заменить читателю двухдневное пребывание в постели...»

О чём же Браун советует писать своим заокеанским коллегам в «добрых толстых романах»?

Он советует писать о цветах. О нарциссах и маргаритках. А также о «биении чистых сердец». Дескать, любовь и цветы дают умственное успокоение «в нашу бурную эпоху».

Что же касается уголовной литературы, то и такие романы — о сыщиках, убийствах и прочих злободневных вещах — мистер Браун считает весьма полезным чтением. Он так пишет об этом: «Нет никакой необходимости разоружаться на фронте крими-

нальной беллетристики, если где-то сверкают дула настоящих орудий...»

Нет, вы только взгляните, как эта шельма пишет! Какой стыдливый лексикон он подбирает для описания постыдных дел американской военщины! Где-то, говорит, сверкают дула орудий!

Можно подумать, мистеру Брауну неизвестно, что орудия не только «сверкают», но и стреляют. И что не «где-то» стреляют, а в Корее. Что именно в Корее соотечественники английского критика конкурируют в зверствах с американскими интервентами.

Заканчивая свою статейку, Браун лепечет уже, как алхимик: «Подобно аптекарям, романисты должны уметь изготавливать такое снадобье, которое даст потрясённому уму читателя сон и успокоение».

Но рядовой американский читатель отнюдь не спешит вкушать брауновских литературных снадобий, чтобы «переждать бурную эпоху». Напротив, простые люди объединяются в грозную, могучую силу и на весь мир заявляют, что не допустят новой мировой бойни. Это они своей железной поступью вызывают страх и трепет у поджигателей всех мастей и профессий.

Паника и страх перед народом — вот причины критического духовного недомогания критика. Оторвать народ от реальной жизни, усыпить его бдительность — вот чего требует зловредная статейка Брауна, замаскированная цветочным заглавием.

Поистине мерзкая картина открывается перед нами, если отдернуть бархатный занавес, сотканный из красивых и неземных слов о нарциссах и незабудках!

Мих. ЗОЦЕНКО

РАБОТОРГОВЦЫ ЗАЩИЩАЮТ СВОБОДУ

Для изучения рабства нет надобности обращаться к истории древнего мира: обильный материал даёт современная американская действительность.

«Нью-Йорк таймс» описывает роскошный банкет рабовладельцев в отеле «Вальдорф-Астория». Однако присутствовавшие на банкете финансовые тузы не были умашены благовонными маслами и увенчаны миртовыми венками, подобно римским рабовладельцам. Они были в смокингах и пили коньяк. Воспользовавшись удобным случаем, правительственный чиновник Джон Гибсон сделал там заявление: в ближайшем будущем ожидается крупная партия рабов в сто тысяч человек! Весть о прибывающих кораблях с невольниками вызвала всеобщий восторг.

«Кливленд пресс», в свою очередь, деловито уведомляет читателей, что рабы прямо с пароходов без задержки доставляются на предприятия страны.

Во всех этих сообщениях печати, разумеется, резкое и непривычное для уха наших современников слово «рабы» заменено обтекаемым выражением «перемещённые лица». Но смысл сообщений от этого не меняется. И каждый беспристрастный американец сразу схватывает суть дела. Читатель газеты «Пиплс уорлд» Брук Кармикайл обратился в редакцию с письмом:

«Сегодня утром радио передавало: «Внимание нанимателей! Вы можете получить рабочую силу из лагерей Европы. Обратитесь в Бюро перемещённых лиц в Вашингтоне». Мне кажется, это — наглое заявление о рабском труде. Особенно удивительна политика этого Бюро пред лицом всеобщей безработицы. Это штрейкбрехерская политика!»

Но кто из джентльменов Уолл-стриты станет прислушиваться к возмущению простых американцев, на родине которых непринуждённо рекламируется торговля рабами? Прежде всего надо заботиться не о рабах, а о предпринимателях, которым американские рабочие, несмотря на все усилия господ Тафта, Хартли и их помощников, всё ещё причиняют массу неприятностей. С бесправными рабами справиться гораздо легче: их за грошовую оплату можно посылать на те каторжные работы, куда не соглашается идти даже безработный американец. Именно это благоприятное для предпринимателей обстоятельство и отметил на банкете в «Вальдорф-Астории» правительственный чиновник Джон Гибсон: «Нельзя недооценивать этот огромный резервуар дешёвой рабочей силы». Предприниматели — люди практичные. Они оценивают. Вот почему в конце 1950 года конгресс принял закон о ввозе в страну трёхсот сорока одной тысячи «перемещённых лиц».

Но аппетиты бизнесменов разгорелись ещё гуще.

— Мало! — хором заявили они.

В странах Западной Европы усилилась работа американских вербовщиков. Они воспользовались тем, что администрация западных зон препятствует возвращению на родину людей, угнанных в своё время на гитлеровскую каторгу. Вербовщики так и шнуют среди них:

— К нам! К нам! К нам! В Америку, в страну долларов и самых неограниченных возможностей! Никаких виз! Свободный доступ! Вам оказывают гостеприимство из христианского милосердия. Американский образ жизни только у нас!

Из сообщений печати видно, как организована встреча новоприбывших на гостеприимных американских берегах. На пристани гудит многолюдная толпа встречающих. Это представители различных компаний, жаждущих обеспечить приезжих работой. Пароход подходит. Действуя в американском стремительном темпе, встречающие кидаются вперёд, держа в руках не цветы, а заранее приготовленные кабальные грамоты. «Перемещённые лица», не успев опомниться, уже подписы-

вают какие-то договоры услужливо подсунутыми вечными перьями. Подписав, они становятся на долгий срок рабами предприятия. Для них начинается новая эпоха «американского образа жизни».

Каков этот образ жизни на деле, видно хотя бы на примере завода «Ферро машин энд фаундри». Рабочие живут в таких тесных, сырых и холодных подвалах, что против этого восстаёт даже американское санитарное ведомство! За неделю каторжных работ они получают на руки восемнадцать центов, на которые нельзя купить и пачки дешёвых сигарет. Остальное удерживается за «питание и жильё». Несомненно, что многие страждущие и обременённые очень скоро находят в обетованной Америке вечное успокоение!

Раньше сообщения об условиях жизни «перемещённых лиц» публиковали крупные газеты США. Но после того, как эти

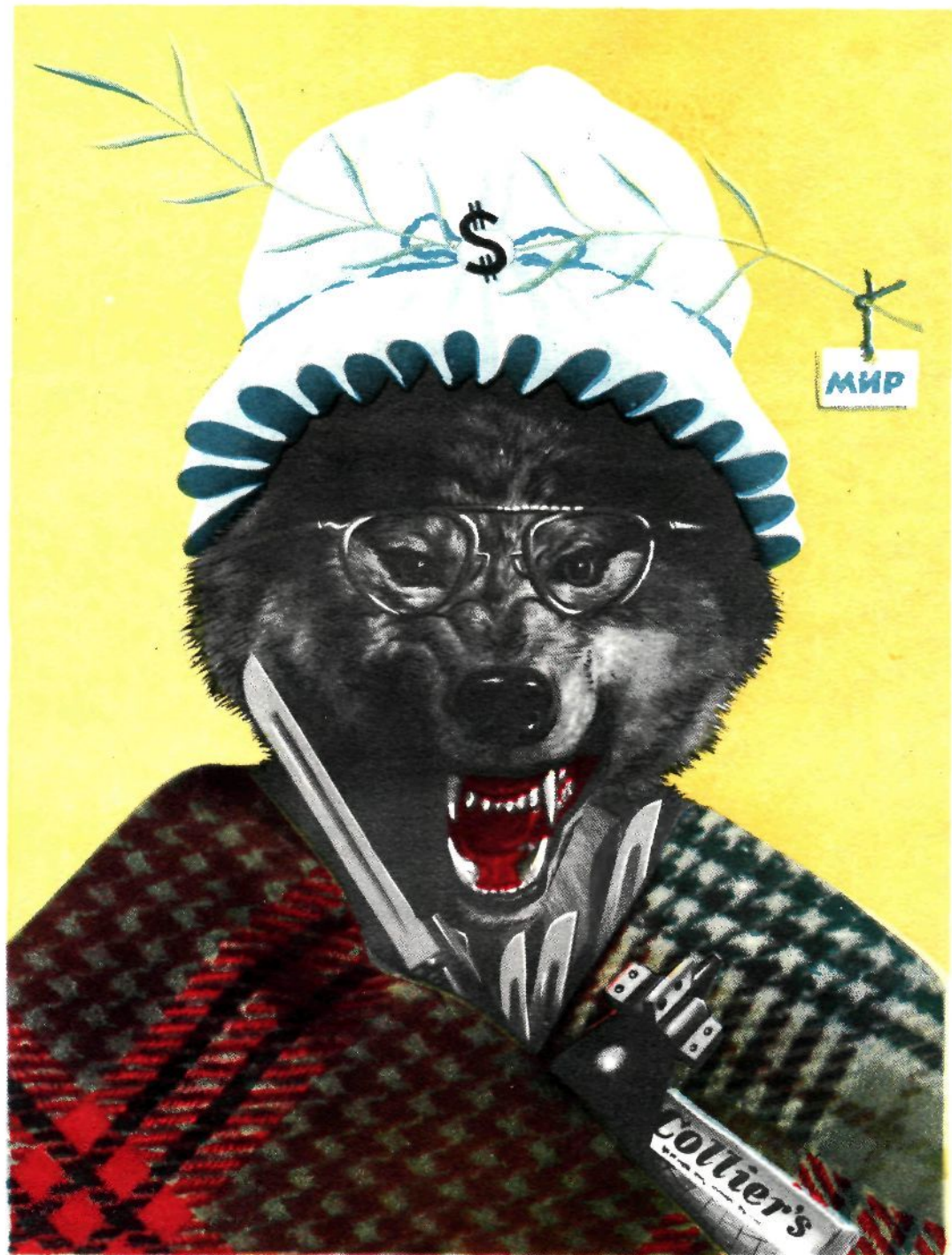
материалы были оглашены на пятой сессии Генеральной Ассамблеи, короткие информации о судьбе рабов можно найти лишь изредка в провинциальной печати.

Надо же было дать возможность господину Ачесону излиться потоками красноречия на шестой сессии Ассамблеи и произнести множество пышных фраз о «свободе личности»!

Диккенсовский герой американец Чоллоп «перед незнакомыми людьми любил выступать в роли защитника свободы, а на деле был убеждённым сторонником линчевания и рабства негров». Мистер Ачесон превзошёл Чоллопа: он позволяет себе болтать о «нарушении прав человека в обширном районе мира», в то время как к берегам США один за другим пристаёт корабли с невольниками.

Н. ИЛЬИНА

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО

Американский вариант сказки «Красная шапочка».

ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ МОНЕТЫ

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Одна задача, утверждал г. Ачесон, — это увеличивать свою вооружённую мощь. Это — одна сторона монеты. Другая задача — работать для мира. Это — другая сторона монеты. Вот новый двуликий Янус: одна сторона его лица — мир, другая — война.
(Из речи А. Я. Вышинского в Политическом комитете.)

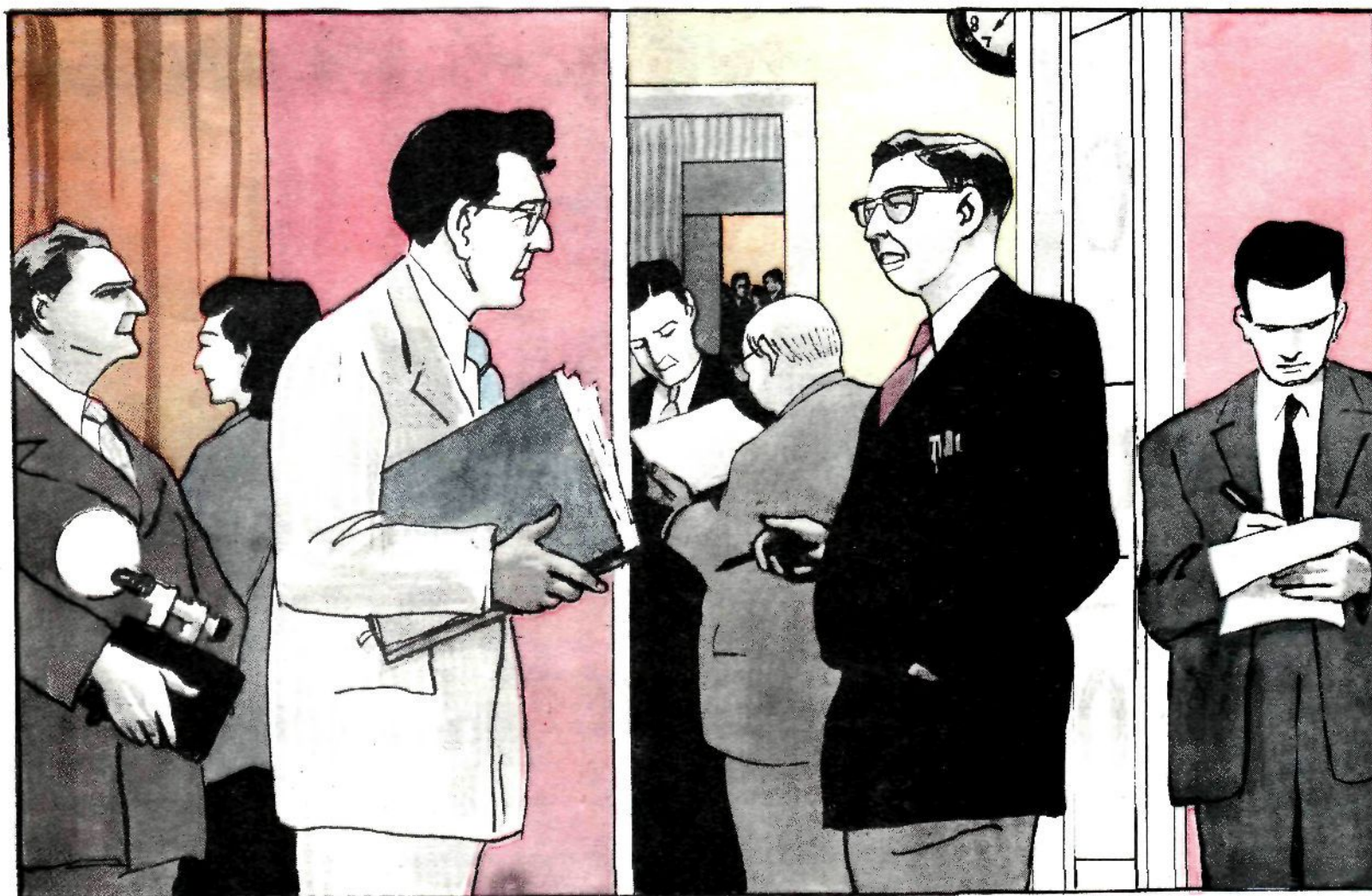

Лицевая сторона.

Оборотная сторона.

Рис. Л. БРОДАТЫ

— Как жаль, я не успел записать всего, что говорил американский делегат!
 — Идите запишите! Сейчас его речь повторяет господин Шуман!

Иоганнес Р. БЕХЕР

О МОЕЙ СТАРОСТИ

(Стихи написаны автором к его шестидесятилетию)

Скажите: кто мне дал такую силу,
 Что в старости мне юность возвратила?
 Далёкий пройден путь. Но погляди:
 Плетётся старость где-то позади.

Живая сила молодёжи новой
 Разбила дряхлой старости оковы.
 От страха смерти я освобождён,
 Смотрю на мир, для жизни пробуждён.

Ведь не стара звезда, что в небе где-то
 Среди облаков не гаснет до рассвета
 И долго светит в сумраке ночном,
 Сплетая луч свой с утренним лучом.

Так наших юных патриотов дело
 Мне оставаться юным повелело.
 А как умру, вздохнуть придётся им:
 — Жаль старика! Он умер молодым!

Перевёл с немецкого
 Лев ГИНЗБУРГ

КОРОТКО И ЯСНО

„СВОЕ“ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Делегат Аргентины на Генеральной ассамблее отказался дать интервью корреспондентам под тем предлогом, что он «не имеет инструкций от своего правительства».

— Дать интервью?.. Поздней дадим!
 Вот только я по телефону
 Снесусь с правительством своим...—
 А сам помчался к Ачесону!

НА БИВУАЧНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Ввиду увеличения расходов на вооружение в Англии резко сокращены расходы на жилищное строительство.

Когда военный бред в умах,
 Когда людей готовят к схватке,—
 Уж где там думать о домах:
 Солдату хватит и палатки!

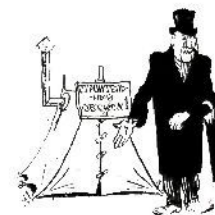
А. СТОВРАЦКИЙ

К ВОПРОСУ О ДРУЖБЕ

Внося на Генеральной ассамблее предложение о сокращении вооружений, западные державы в то же время увеличивают свои вооружённые силы.

Довольно трудно верить «другу»,
 Когда ты сразу разберёшь,
 Что он, подав на дружбу руку,
 В другой руке сжимает нож!

Ю. БЛАГОВ

Спешка в работе, стремление во что бы то ни стало успеть закончить картину к выставке снимают у некоторых художников требовательность к себе.

На предельной скорости.

ОСТ И РОСТ

ЕГО растили старательно и любовно. Ему отдали много времени, сил, душевных забот. Всячески старались, чтобы из него вышел толк. И он вырос всем на удивление: высокий, стройный, красивый. Глаз не оторвать!

А какой он крепкий! Чем больше глядишь на него, тем больше убеждаешься: этот что угодно выдержит!

Ему радовались. Им гордились. Когда подоспел срок взять его на испытание, ни у кого не было сомнений: отличная оценка обеспечена. И у всех было хорошо на душе, всем было весело.

Но вот приехали на Городковский льнозавод. И там произошло то, чего льноводы Рамешковского колхоза, Калининской области, никак не могли ожидать.

Встретили их как будто приветливо. Полюбовались их воспитанником. Не поспешили на похвалу:

— Ничего против не скажешь! По всем статьям хорош...

Потом приёмщики начали его измерять, сличать, испытывать. И чем больше испытывали, тем всё больше удивлялись. А удивляясь, приходили во всё большую растерянность. Начали переглядываться, перешёптываться и под конец заявили:

— Просто не знаем, что с ним делать!

— А что? Разве плох лёнок? — всполошились колхозники.

— Какое там плох! — в один голос возразили приёмщики. — Сколько лет работаем, а такого доброго льна не видали!

— Так в чём же дело?

— Не подходит!

Колхозники переглянулись:

— Гм!.. А вы, дорогие товарищи, часом, не того?.. Как бы это поясней выразиться?.. Не хватило с утра малость лишнего? То хорош вам лён, то не подходит...

— Что вы, что вы! — заволновались приёмщики. — Это — просто недоразумение! Это мы, вероятно, от неожиданности нескладно говорить начали. Лён вполне подходящий. Мы только хотели сказать, что он ни под один эталон не подходит: все показатели перекрыл.

— Так, значит, берёте?

— А то как же!

— А какая будет оценка?

Тут приёмщики опять отвели глаза и замаялись. Отошли в сторону. Посовещались. Тяжко вздохнули. И ответили:

— Оценка будет на «четвёрку». Больше не можем...

Тогда колхозники спрашивают, сколько же вообще баллов по совокупности всех показателей нужно, чтобы лён заслужил «четвёрку». Им отвечают: сто.

— А нашему вы сколько насчитали?

— Сто двадцать два и восемь десятых.

— И всё-таки «четвёрка»?

— Всё-таки «четвёрка», — подтверждают приёмщики. — Больше ОСТ № 2975-47 не позволяет. Сказано в нём, что лучше, чем на «четвёрку», лён не бывает.

— Что за ОСТ такой, от какого он времени?

— Четыре с половиной года назад утверждён.

— Ну, тогда всё понятно. Мы за это время вон куда махнули, а он всё тот же! Его давно менять пора. Не по росту ОСТ!

Что верно, то верно.

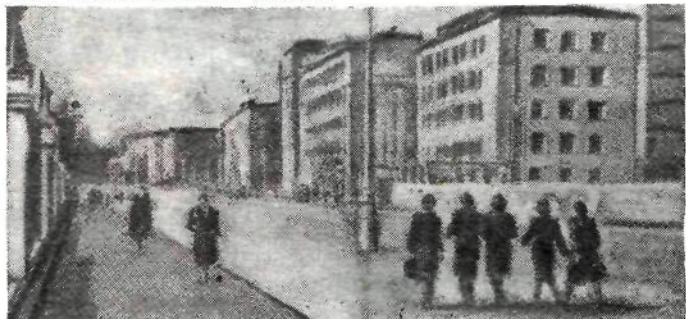
П. ДУДОЧКИН

г. Калинин.

ФОТО-Витрина

ЧУДЕСА АРХИТЕКТУРЫ

У каждого населённого пункта есть, говорят, свои неповторимая прелесть. И потому жители города Охи, Сахалинской области, всегда с интересом рассматривают в газете «Сахалинский нефтяник» виды различных городов. Недавно их внимание привлёк такой, например снимок:

— Не правда ли, — говорил один читатель другому — у этой минской улицы очень приятная перспектива? А какой внушительный дом высятся с правой стороны! Что говорить хорошо строят в Минске!

Минували сутки, и взорам читателей предстал в следующем номере газеты такой снимок:

И читатели снова обменялись мнениями.

— Обратите внимание, — говорил один из них другому, — на широкую перспективу этой пензенской площади и на благородные линии пятиэтажного дома справа. Архитекторы Пензы... Впрочем, позвольте, почему именно Пензы? Вчера нам сообщили, что это Минск...

...Читатели «Сахалинского нефтяника» Я. Никитенко и В. Круголь просят нас разъяснить: где же в конце концов стоит дом, в Минске или Пензе?

Слово по этому вопросу предоставляется редактору газеты «Сахалинский нефтяник» тов. И. М. Стихину.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Стерлитамакские пионеры прочитали в № 9 Крокодила фельетон «Домок-теремок» и позавидовали кемеровцам.

— В Кемерове что! — говорят наши ребята. — Там, если сравнить со Стерлитамаком, ещё жить можно. Там в Доме пионеров только четыре других учреждения обитают.

А в Стерлитамаке под крышей Дома пионеров разместились:

музыкальная школа, туристская станция, детская техническая станция, Дом учителя, учительская библиотека, кукольный театр, городское общество садоводов, городской комитет профсоюза школьных работников...

Придут пионеры в свой Дом, а там их встречают объявления:

«Сегодня лекция для животноводов: «Кормление заболевших теллят ацидофильной простоквашей».

«Здесь трёхдневный семинар заведующих детскими домами и яслями»...

Куда же деваться «основным жильцам» Дома?

С ответом на этот вопрос ни городской отдел народного образования, ни горком комсомола не торопятся. А надо бы!

К. МОЖАЕВ

Стерлитамак.

Товарищ Крокодил!

Не нужен ли тебе провод под напряжение в пятьсот вольт?

Если нужен, обращай, пожалуйста, без стеснения к работникам Главзаготснаба. Они просто не знают, что с этим проводом делать.

Сам посуди. Выполняя наряд Главзаготснаба, его Московская контора отгрузила тысячу метров такого провода в Харьков. А Харьковская контора выслала ту же промышленную продукцию в Москву.

В свою очередь, Киевская контора Главзаготснаба, во исполнение указаний из центра, снабжает проводом Харьков. Харьковская контора — киевляк.

Если кто-нибудь захочет изучить методы организации встречных перевозок, дай ему, дорогой Крокодил, адрес: Москва, Уланский переулок, дом № 2, Главзаготснаб. У них опыт богатый!

Ф. ФЕЛЬДМАН

Харьков.

Уважаемый Крокодил!

Бюро жалоб управления Сталинской дороги, оказывается, не только разбирает жалобы, но и вынуждено жаловаться само.

Едва только бюро жалоб управления Сталинской железной дороги устроится в очередной комнате, как его тут же заставляют перекочевать в другое место. Причём с каждым переездом помещения отводятся всё хуже и неудобнее.

Теперь, когда посетители спрашивают о местонахождении бюро жалоб, им дают такие координаты:

— Вон там, под лестницей, между коммутатором связи и парикмахерской!

В комнате бюро жалоб, по размерам несколько превышающей скворечник, сквозь фанерные стенки слышится шипенье pulverизатора вперемешку с голосами телефонисток:

— Алло!.. Алло!.. Слушаете?.. Проверка!..

— Побрить?.. Постричь?.. Освежить?.. Не беспокоит?..

Заведующему бюро жалоб так и хочется крикнуть, чтобы дошло до кабинетов управления дороги:

— Алло!.. Алло!.. Очень беспокоит!

К. ДНЕПРОВСКИЙ

Днепропетровск.

— Почему обиделся твой знакомый драматург!
— Понять не могу! Я его только спросил: «Что у вас новенького!»

В ПОЖАРНОМ ПОРЯДКЕ

Лихо подкачивая на выбоинах, огненно-красная машина с грохотом пронеслась по улицам Сталиногорска. Прохожие в тревоге смотрят поверх крыш:

— Батюшки! Где-то пожар!
— К клубу двадцать шестой шахты поехала!

— Бежим на помощь!
Круто затормозила машина. Из кабины выскочил человек и скрылся в клубе. Ни пожарных в касках, ни напористых струй воды...

— Странное дело: пожар, а дыма не видно,— удивились сбежавшие со всех сторон добровольцы-тушители.

— Какой вам пожар! Здесь совещание. Начальник пожарной охраны комбината «Москвоуголь» тов. Тимашев приехал читать доклад «О роли общественного уполномоченного»...

А в клубном зале тем временем взоры всех собравшихся устремились к трибуне.

Но проходят пять, десять томительных минут. Трибуна пуста. И вдруг все вздрагивают от ворвавшегося в зал свиста и шипения.

— Итак, начинаем нашу лек-

цию...— возвестил неведомо откуда громоподобный голос.

Трибуна попрежнему была пуста, а докладчик-невидимка прошептал аудиторию.

— Да где же он?— ломали головы слушатели.

Наконец выяснилось:
— Докладчик-то в кинобудку засел! Оттуда через усилитель читает свою лекцию.

Так, сочетая пожарную технику с кинемеханикой, тов. Тимашев в пожарном порядке провёл совещание с общественными уполномоченными по противопожарным мероприятиям.

НОВЫЙ ВИД СТРОИТЕЛЬСТВА

Древняя легенда о троянском коне, сооружённом греками при осаде Трои, очевидно, натолкнула работников Ново-Покровского райпотребсоюза (Семипалатинская область) на мысль заняться, в свою очередь, строительством этого вида домашних животных.

Перед нами титульный список ведомитного строительства по Ново-Покровскому райпотребсоюзу, подписанный председателем правления тов. Шуруновым и всеми членами правления. В графе первой этого списка совершенно недвусмысленно указано:

«Наименование объектов — лошади. Срок изготовления — III квартал».

Остаётся лишь приветствовать райпотребсоюзских новаторов, освоивших новый вид строительства, и пожелать им успеха в плодотворной деятельности по увеличению конского поголовья.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАВЛАВСКИЙ, В. ХОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-32-50. Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 782. Подписано в печати 4/XII 1951 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 07488. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2946. Тираж 300 000 экз.

ОККУПАЦИОННЫЙ ИНСТИНКТ

Рис. Ю. ГАНФА (по теме читателя Л. Розенберга)

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщает, что «группа французских официальных лиц организует движение за то, чтобы перенести столицу Франции в какое-нибудь другое место».

— Прикажете, господин Эйзенхауэр, переехать в Виши или можно пока оставаться в Париже?